

17. Шагдаров Л. Д. О языке бурятской народности // Актуальные проблемы истории Бурятии. Тезисы докл. и сообщений рабочих совещаний по темам: «Проблемы соц.-экон. и культурного развития Бурятии в дореволюционный период» и «Вопросы истории социалист. революции и переходного периода к социализму в Бурятии». Улан-Удэ, 8–11 декабря 1987 г. – Улан-Удэ, 1987. – С. 41–44.

18. Шагдаров Л. Д. Формирование и развитие национального языка у бурят // Исследования по истории монгольских языков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. – С. 11–37.

19. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. (Теория, проблемы, методы). – М.: Наука, 1976. – 176 с.

УДК 398.54(571.53)

Н. Н. Николаева

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ПРИАНГАРСКИХ БУРЯТ: БОХАНСКО-ОСИНСКАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье рассматривается героический эпос боханских и осинских бурят. Выявлены композиционная структура, тематика, основные сюжетные типы улигеров.

Ключевые слова: буряты, фольклор, героический эпос, сюжеты и мотивы.

N. N. Nikolaeva

THE HEROIC EPIC OF ANGARA BURYATS: BOKHAN-OSA LOCAL TRADITION

The heroic epic of Bokhan and Osa Buryats living on the right side of Angara river is considered in this article. The compositional structure, themes, and general story types of uligers are identified.

Key words: Buryats, folklore, heroic epic, themes and motives.

Боханско-осинская локальная эпическая традиция – это эпос бурят, проживающих в долинах правых притоков Ангары – рек Иды (совр. Боханский район Иркутской области), Осы и Обусы (совр. Осинский район Иркутской области). Боханский и Осинский районы являются территорией компактного проживания бурят племени булагат родов готол, шаралдай, онгой, хогой, онхотой, буин, янгуд, ирхидей, ноет, олзой, булут, а также родов манхалют, хурдуд, хулмэнгэ.

Судя по обширному фольклорному материалу, хранящемуся в ЦВРК, и данным ученых и собирателей, в конце XIX – начале и середине XX вв. в этом регионе бытовала богатая эпическая традиция. Тогда в этих местах жили признанные и известные знатоки традиции, именитые сказители эпоса. Это Роман Алсаев, Петр Балдаев, Балдагшин Балдаев, Таряаша Маланов, Сагáдар Шанаршеев, Василий Буханаев, Ефрем (Омпó) Хайнтаев, Хондорóн Хосоков, Аполлон Тороев и др.

От них записывали улигеры и другие фольклорные материалы такие собиратели и ученые, как К. В. Багинов, С. П. Балдаев, А. К. Богданов, Н. О. Шаракшинова, А. И. Шадаев, И. Н. Мадасон, Т. М. Болдонова. Особо отметим, что известный ученый А. И. Уланов, уроженец с. Укыр Боханского района, писал о «наличии сотен боханских и осинских улигеров» [12, с. 109].

Согласно классификации бурятского героического эпоса по стадийно-типологическому признаку, которая была предложена Ц. Ж. Жамцарано, дополнена Г. Д. Санжеевым и утвердилась в трудах бурятских эпосоведов, выделяются: эхирит-булагатская группа улигеров, сохранившая древние черты и представляющая ранний этап эпического творчества бурят, включающая в себя улигеры, записанные в Кудинской долине, Верхоленье, на северном побережье Байкала и о-ве Ольхон; унгинский – эпос эхиритов и булагатов левобережья Ангары (преимущественно, Нукутский и Аларский районы Иркутской области, Унгинская долина); и хоринский, бытовавший в Забайкалье, в котором, по мнению эпосоведов, прослеживаются черты упадка жанра.

В разное время боханско-осинский эпос относился исследователями либо к унгинской традиции, либо к эхирит-булагатской, хотя в этом плане специальных исследований не проводилось. Так, например, А. И. Уланов в своих ранних работах считал, что «между боханскими, осинскими и унгинскими улигерами, по существу, принципиальной разницы нет» [12, с. 109]. В другой работе, более поздней, эпос Осинской и Идинской долин он относит к эхирит-булагатскому, делая оговорку, что «улигеры булагатов бывают часто почти одинаковыми с унгинскими, так как отдельные роды булагатов входят в состав бурят, населяющих унгинские степи» [13, с. 70, 72].

Д. Д. Гомбоин, исследуя эхирит-булагатские улигеры, в качестве материала

использовала записи эпоса, «произведенные в пределах нынешнего Эхирит-Булагатского района Иркутской области, в Качугском районе и на о. Ольхон. Типологические признаки этих сказаний позволяют отнести их к раннему этапу эпического творчества бурят» [7, с. 9], т. е. боханско-осинский эпос по умолчанию отнесен к унгинской стадийно-типологической группе. Н. О. Шаракшинова также либо не выделяла боханско-осинский эпос, хотя рассматривала наряду с эхирит-булагатской и унгинской также боханскую и осинскую версии бурятской Гэсэриады [17], либо относила героические сказания боханских и осинских бурят к эхирит-булагатской группе [16, с. 13].

Известный ученый и, что не менее важно, собиратель-полевик, записавший более сотни улигеров по всей этнической Бурятии, С. П. Балдаев считал, что эпическая традиция боханских бурят очень сходна с традицией осинских бурят и занимает как бы среднее место между аларской и кудинской. Это объясняется тем, что главными ее передатчиками являлись батраки из долин рек Лены, Куды, Алари, Унги и Осы, переносившие эпические традиции из улуса в улус, из долины в долину [2, с. 17].

Таким образом, первая проблема состоит в том, что боханско-осинский эпос практически не известен, не выделен в отдельную группу и совершенно не изучен как отдельное явление. Большинство ученых-эпосоведов с одной стороны как бы отмечает факт существования этой локальной эпической традиции, а с другой – не признает ее самостоятельности и относит то к унгинской, то к эхирит-булагатской традиции. В итоге боханско-осинский эпос до настоящего времени оставался вне поля зрения исследователей.

Вторая проблема – с начала исследований сюжеты улигеров рассматривались только на уровне текста. В основе вышеупомянутой классификации также лежит группировка улигеров по их типо-

логическому сходству на уровне текста. При этом упускается из виду многослойность, полистадиальность их сюжетной структуры, когда один текст представляет сложный синтез, взаимовлияние и взаимопроникновение разновременных пластов, в нем совмещаются разные уровни сознания и при этом сохраняется мифологическая интерпретация, присущая архаическим эпосам тюрко-монгольских народов Центральной Азии.

Наша задача на сегодняшний день состоит в подробном систематизированном описании на русском языке улигеров боханско-осинской локальной традиции, что дает обширный, полноценный, аутентичный материал для уточнения границ бытования этой традиции, конкретизации границ между тремя стадийными группами на уровне сюжетов, их вариантов, версий, сюжетных типов. Подробное описание улигеров на русском языке по локальным традициям, их систематизация и классификация по сюжетно-тематическим группам позволяют провести глубокий текстологический анализ структуры и композиции эпических текстов, выделить основные мотивы, микро- и макросюжеты, определить индивидуальные особенности сказителя, соотношение вариативности и традиционности в исполнении улигеров, особенности поэтики и т. д. Кроме того, решаются задачи учета и оценки текстов, выявления репертуарного фонда, версий и вариантов, состава сюжетов и сюжетных типов, комплекса мотивов, набора персонажей и реалий.

Работа в этом направлении представлена выпшедшими книгами Д. А. Бурчиной «Гэсэриада западных бурят. Указатель произведений и их вариантов» [4] и «Героический эпос унгинских бурят. Указатель произведений и их вариантов» [5], в которых описаны сюжеты улигеров, бытовавших на левобережье Ангары (Нукутский, Аларский районы Иркутской области), выявлен основной репертуар героико-эпических произве-

дений аларских и нукутских бурят, раскрыта их локальная эпическая традиция. Наше исследование является логическим продолжением этой работы.

Для решения поставленной задачи были выявлены и изучены улигерные тексты, хранящиеся в архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; проанализированы эпические тексты, опубликованные в разные годы; проведена полевая исследовательская работа в Боханском и Осинском районах.

Эпический материал архивного фонда ЦВРК – улигеры, хранящиеся в Общем фонде и личных фондах С. П. Балдаева [1, ф. 36 (личный фонд С. П. Балдаева)], И. Н. Мадасона [1, ф. 18 (личный фонд И. Н. Мадасона)], А. К. Богданова [1, ф. 16 (личный фонд А. К. Богданова)], Т. А. Бертагаева [1, ф. 22 (личный фонд Т. А. Бертагаева)], А. И. Уланова [1, ф. 39 (личный фонд А. И. Уланова)], Н. Г. Балдано [1, ф. 34 (личный фонд Н. Г. Балдано)], М. П. Хоимонова [1, ф. 23 (личный фонд М. П. Хоимонова)], Ц. Ж. Жамцарано [1, ф. 6 (личный фонд Ц. Ж. Жамцарано)], Б. Б. Бамбаева [1, ф. 11 (личный фонд Б. Б. Бамбаева)]. В Общем фонде из свыше 2700 инвентарных номеров около 160 содержат названия улигеров, тексты, списки исполнителей, заметки собирателей и т. д. Кроме того, в материалах и отчетах фольклорных, этнографических и диалектологических экспедиций БИОН СО АН СССР можно обнаружить отрывочные сведения о бытовании и исполнении улигеров, иногда очень краткие прозаические пересказы сюжетов. Таким образом, всего около 400 инвентарных номеров.

Из общего числа дел во всех фондах, так или иначе связанных с эпосом, около 250 содержат улигерные тексты. Среди них есть дублирующие экземпляры (например, рукописный и машинописный экземпляры или несколько экземпляров машинописи); отредактированные

тексты изданных улигеров и их переводы; тексты, подвергшиеся литературной обработке; разрозненные отрывки и главы из улигеров (главным образом из «Гэсэра»).

Из этих 250 32 текста идентифицировано нами как принадлежащие к эпической традиции правобережья Ангары, т. е. боханских и осинских бурят. Тексты представляют собой рукописные записи карандашом и чернилами и машинопись. В некоторых случаях сделаны разбивки на главы и части и нумерация стихов, свидетельствующие о том, что запись не является полевой. Почти все имеют краткую паспортизацию со сведениями о времени и месте записи, имени собирателя и сказителя, изредка указывается возраст сказителя, род, к которому он принадлежал. Но, к сожалению, часто отсутствует информация о манере исполнения улигера, сказительском репертуаре, о том, как производились записи – под диктовку, в частной обстановке, под пение, речитатив, в присутствии слушателей. Подобного рода сведения можно найти только у С. П. Балдаева.

Самые ранние записи производились у боханских и осинских бурят в конце XIX – начале XX в. М. Н. Хангаловым, и они опубликованы в «Трудах» и «Записках» ВСОРГО [15]. Это прозаические пересказы отдельных эпических сюжетов, в том числе и «Гэсэра», без указания времени, места записи, имени сказителя, характера исполнения и т. д.

В целом публикаций эпических текстов (на бурятском языке и двуязычных) не так уж много, и это в основном улигеры, записанные на левобережье Ангары, в Эхирит-Булагатском районе и Забайкалье. Из боханско-осинского эпоса были изданы только «Хабталжан Мэргэн» сказителя Хондорона Хосокова в записи С. П. Балдаева [3, с. 88–117], «Шандабал Мэргэн» Сагадара Шанаршеева в обработке А. И. Шадаева [6] и несколько улигеров, записанных от знаменитого сказителя А. Тороева [9–11]. Основной

массив эпических текстов, записанных в Боханском и Осинском районах, хранится в архивах ЦВРК ИМБТ СО РАН (Улан-Удэ), Гослитмузея (Москва) и не доступен широкому кругу исследователей. Возможно, тексты есть также в Иркутске и Санкт-Петербурге.

Хронологически наиболее ранние записи из числа выявленных нами улигеров датируются 1908 г. – это улигеры «15-летний Алтан Дурай Мэргэн» («Арбан табан наһатай Алтан Дуурай Мэргэн») [1, ф. 36, оп. 1, инв. № 270] и «Золто батор хубун» («Золто баатар хубүүн») [там же, инв. № 302] в исполнении Романа Алсаева, записанные С. П. Балдаевым. И наибольшее количество улигеров в Боханском и Осинском районах было записано, по нашим подсчетам, Сергеем Петровичем Балдаевым – 15 текстов, хранящихся в его личном архиве в ЦВРК. Самые поздние записи в Боханском и Осинском районах, по всей вероятности, производились в 1950-х – середине 1960-х гг. Н. О. Шаракшиновой и Т. М. Болдоновой. Н. О. Шаракшинова записала 9 улигеров в 1952–1954 гг. Эти улигеры, очевидно, находятся в ее личном архиве, к которому сейчас нет доступа.

Есть сведения о записанном в 1965 г. под диктовку Т. М. Болдоновой от сказителя Хондорона Хосокова варианте «Гэсэра». Рукопись, возможно, была продана собирательницей Литературному музею г. Улан-Удэ и пока нами не обнаружена.

Отдельного внимания заслуживает коллекция, собранная К. В. Багиновым в 1930-х гг. и хранящаяся в фольклорном архиве Гослитмузея в Москве. Три текста из нее (возможно, дубликаты оригиналов) есть в ЦВРК.

Таким образом, хронологические рамки фиксации боханско-осинской локальной эпической традиции – с конца XIX в. и по вторую половину XX в., т. е. в период живого бытования эпоса и постепенного его угасания. По нашим современным опросам, сохранились воспо-

минания о редком исполнении улигеров в конце 1960-х – начале 1970-х гг., но информанты уже не помнят сказительского репертуара и не могут в полной мере реконструировать сюжеты даже в прозаической форме.

Географическая локация охватывает улусы Хохорск, Шунта, Харатирген, Абгайтан Боханского района, Бильчир, Молó, Шанá, Обуса, Улей, Улáнга, бывший колхоз Новострой Осинского района. Но это, конечно, не означает, что эпос бытовал только в этих местах. Эпическая традиция охватывала все улусы, в каждом был один или несколько сказителей или просто знатоков традиции, от которых, к сожалению, не успели ничего записать.

Наиболее известными исполнителями боханско-осинского эпоса являются Аполлон Тороев, уроженец с. Шунта Боханского района, и Сагадар Шанаршеев из села Бильчир Осинского района. От А. Тороева было записано много улигеров, причем некоторые из них фиксировались разными сказителями в разное время. Так, «Шандабль Мэргэн» был записан Н. О. Шаракшиновой в 1953 г., Т. М. Болдоновой в 1942 г. и Е. В. Баранниковой (год неизвестен); «Эрэ Тохлой (Тохол) Мэргэн» – С. П. Балдаевым и С. Шалбаевой; «Харасгай Мэргэн» – Н. О. Шаракшиновой и И. Н. Мадасоном; «Абай Гэсэр» – Н. О. Шаракшиновой в 1952 г., А. П. Романовой в 1953 г., С. П. Балдаевым и С. Шалбаевой. Всего записанный репертуар А. Тороева составляет около 13–14 улигеров среднего размера, но число улигеров, которые он знал, наверняка, больше. Разновременные записи одного и того же эпоса в исполнении одного сказителя представляют собой достаточно редкое явление в бурятском эпосоведении и дают возможность исследовать устойчивость и изменчивость локальной традиции на определенном временном отрезке, вариативность эпических формул и типических мест, феномен импровизации в сказительской практике.

У Сагадара Шанаршеева, крупного знатока традиции, признанного мастера слова, записывали фольклор М. Н. Хангалов, Э. Д. Ринчино, Б. В. Вампилов, С. П. Балдаев, К. В. Багинов, Х. Н. Намсараев. По оценке К. В. Багинова, его эпический репертуар насчитывал около 30–35 крупных произведений, включая Гэсэриаду [18, с. 8]. Сохранилось несколько улигеров в записях К. В. Багинова и А. И. Шадаева.

Кратко характеризуя, можно сказать, что улигеры осинских и боханских бурят представляют собой тексты объемом от 800–900 до 7000–8000 стихов, но средний объем – 2000–3500 стихов. Всегда в полностью стихотворной форме, при этом поэтическая организация стиха строго подчинена аллитерации, т. е. начальной рифме, характерной для поэтической традиции всех монгольских народов.

Среди популярных эпических персонажей на первом месте стоит имя Абай Гэсэра. Судя по архивным материалам и данным ученых-собирателей, варианты Гэсэриады были широко распространены в Боханском и Осинском районах, ее исполняли почти все более или менее знающие традицию сказители. По сведениям С. П. Балдаева и Н. О. Шаракшиновой, «Гэсэр» записывался у сказителей С. С. Шанаршеева, А. А. Тороева, Е. Х. Хайнтаева, М. А. Шобонова, Х. Х. Хосокова, Б. Б. Балдаева, Т. И. Маланова, В. Б. Буханаева, М. А. Гергусеева [2, с. 38, 45, 47, 50–52; 28, с. 298]. 10 текстов из выделенных нами 32 улигеров, отнесенных к боханско-осинской группе, являются вариантами Гэсэриады.

В сюжетах с самостоятельными главными героями нередко встречаются сюжетные ходы, мотивы, а также персонажи, антропонимы, топонимы и гидронимы Гэсэриады. В некоторых случаях они органично вплетаются в сюжетную канву, дополняя и обогащая ее, в других – выглядят чужеродно и искажают логику повествования. Есть улигеры,

главные герои которых представлены богатырями Гэсэра. Известный бурятский этнограф и собиратель фольклора М. Н. Хангалов писал, что ветвями «Гэсэра» считались все более или менее крупные улигеры [15, с. 260].

Популярность Гэсэра такова, что иногда улигер называется по его имени, а в тексте нет даже упоминания об этом герое. Таков, например, «Абай Гэсэр Богдо», записанный от А. Балдхынова, сказителя из с. Улей Осинского района [1, общий фонд, инв. № 992]. Сюжет его скорее сказочный, чем героико-эпический. В условно выделяемой первой части главные героини – две сестры, убежавшие от мангадхая и вышедшие замуж за Шажгай-хана. Во второй части героем выступает мальчик – сын одной из сестер и Шажгай-хана. В сюжете содержатся мотивы побега с помощью чудесных вещей, волшебных помощников, нахождения братьев и признания родства по пище, приготовленной матерью, и т. д. Интересен включенный сюжет о поимке двумя женщинами детей, выходящих из моря, имеющий явное отношение к генеалогическим легендам и преданиям об Эхирите и Булагате. А. И. Уланов предполагал, что сказитель не очень хорошо знал «Гэсэра» и передал лишь часть улигера, повествующую о рождении героя [12, с. 153]. Но с Гэсэриадой этот улигер имеет мало общего, представляя собой совершенно оригинальное произведение.

Иногда складывается впечатление, что сказитель «смешал» сюжеты «Гэсэра» и другого улигера, посвященного подвигам другого богатыря. Можно предполагать, что в подобных случаях мы наблюдаем неполную контаминацию нескольких улигерных сюжетов, одним из которых является локальный вариант «Абай Гэсэра». Но можно предположить и другое – это попытки циклизации эпоса. Пока нельзя определенно сказать, что в бурятском эпосе мы видим циклизацию героических сказаний вокруг имени одного богатыря, как, например, в кал-

мыцком «Джангаре» или русском эпосе, но процесс циклизации, несомненно, шел или, по крайней мере, начинался, на что указывал еще Н. Н. Поппе [8, с. 10].

Анализ текстов позволяет выделить как общие мотивы и сюжетные ходы, так и оригинальные моменты. Отличительной чертой является то, что большинство текстов представляет собой одну ветвь или главу Гэсэриады, посвященную борьбе Абай Гэсэра с Гал Дурмэ ханом, что позволяет говорить о популярности именно этой главы у боханских и осинских бурят. Эпические сюжеты структурно выстроены и логически завершены. В целом боханский и осинский «Гэсэр», на наш взгляд, близок скорее унгинской версии, чем эхирит-булагатской.

К числу других известных улигеров, распространенных в идинской и осинской долинах, относятся «Шандабал (Шандабли) Мэргэн», «Эрэ Тохлой (Тохол) Мэргэн», «15-летний Алтан Дурай Мэргэн», «Һохор Богдо хубун», «Эрхэ Монсог батор», «Харасгай Мэргэн», «Эрбэд Богдо хан», «Баян Бадма хан», «Хату Хара хан», «Гарьюлай Мэргэн». Некоторые из названий этих улигеров встречаются и в унгинском, и в эхирит-булагатском эпосе, но сюжеты во многом отличаются друг от друга, чаще всего это просто совпадения по именам эпических героев.

На содержательном уровне ситуации и коллизии, встречающиеся в героико-эпических сказаниях осинских и боханских бурят, традиционны. Нами выделены следующие сюжетно-тематические группы:

1) улигеры о героическом сватовстве, образующие самый распространенный во всем бурятском эпосе тип сказаний;

2) улигеры о борьбе с мифологическими чудовищами-мангадхаями (героико-богатырского характера).

При этом «свадебная» и «богатырская» тематика чаще всего разрабатываются не автономно, а в тесной связи,

т. е. эпический герой, отправляясь на поиски невесты, по пути совершает самые разнообразные подвиги. Сватовство, женитьба, основание экзогамной семьи имеют значимость глобального порядка и приравниваются к трудному богатырскому подвигу в эпическом контексте архаичных улигеров.

Если в унгинском эпосе мотив героического сватовства и борьбы за суженую становится вторичным, а на первый план выходит борьба с врагами-захватчиками – ханами и богатырями, угнавшими стада и табуны [5, с. 27], то боханско-осинский эпос, как и древний эхирит-булагатский, по-прежнему актуализирует идею перехода к дуальным экзогамным брачным отношениям. И в подавляющем большинстве улигеров осинско-боханской группы доминирует именно этот мотив.

Сюжетная структура таких улигеров во многом типична, устойчива, и в ней можно выделить несколько сюжетообразующих звеньев-мотивов:

1. Зачин – вступление, повествование об одиноком герое (реже паре «брат и сестра»), описание строительства героем дворца, многочисленных стад и табунов, пасущихся на Алтае и Хухэе, всех богатств и владений героя, богатырского коня;

2. Осмотр владений, охота, решение героя найти суженую, мотивированное тем, что один человек не составит семьи, а также отсутствием наследников;

3. О предопределенной суженой герой узнает из Желтой книги судеб (варианты: указали в детстве родители или сестра);

4. Сборы к долгому и трудному пути, подготовка и седлание коня, облачение в богатырские походные одежды, выезд из дома;

5. Преодоление различных природных препятствий, борьба с чудовищами, побратимство с зооморфными и антропоморфными существами или другими богатырями;

6. Сватовство к дочери хана, победа над соперниками-женихами в брачных состязаниях, свадебный пир;

7. Послесвадебные испытания тестем-ханом зятя, выполнение данных им поручений;

8. Возвращение домой с женой и счастливая мирная жизнь.

Эти основные мотивы могут дополняться, варьироваться, видоизменяться или выпадать, но в целом почти все улигеры боханско-осинской группы имеют подобную структуру. Подобное композиционное построение, когда событийный охват повествования имеет монобиографический цикл и подчинен жизнеописанию эпического героя одного поколения, сюжеты выстроены в так называемом «одноходовом», одночастном типе, т. е. завершаются, когда герой достигает цели (женится) и возвращается домой, присуще улигерам эхирит-булагатской группы. В боханско-осинском эпосе есть улигеры и дуоциклические, когда повествование продолжается, имеет «второй ход», второй «круг» подвигов эпического героя или же описываются деяния его сыновей или сына, но таких улигеров мало.

Развитие сюжета – новые «круги» или «ходы» действий, посвященные борьбе богатырей, их побратимов, сыновей, внуков с врагами-захватчиками, включение сказочных сюжетов и мотивов, вследствие чего повествование ощутимо разрастается и приобретает занимательность, – часто встречается в унгинском эпосе. Как указывает Д. А. Бурчина, увеличение объема унгинских улигеров происходило также во многом за счет стилистического развертывания (вступительных частей, типических мест и др. клише) [5, с. 28]. В боханско-осинском эпосе почти нет новых серий с участием героев второго и третьего поколения, мало контаминационных моментов и сказочных мотивов, но заметно увеличение числа типических

мест, усложнение и разнообразие устойчивых традиционных формул и клише, так называемое «украшательство» сюжета, т. е. возрастает эстетическая функция в исполнении эпоса.

Таким образом, в композиционном отношении улигеры осинских и боханских бурят близки эхирит-булагатским, но поэтика их богаче и напоминает унгинскую. Хотя нельзя, конечно, исключить и фактор индивидуальной манеры сказительства, вариативности в рамках традиции.

В осинско-боханском эпосе, по-видимому, нет сюжетов, где главными героинями выступали бы женщины. Сюжетный тип «сестра-богатырка добывает погибшему брату суженую-воскресительницу» в его вариациях и развитии, наблюдаемых в эхирит-булагатских и унгинских улигерах, нами не обнаружен (возможно, только пока).

Встречается в составе боханско-осинских улигеров сюжетный тип «дяди губят племянника, чтобы завладеть его имуществом», который можно найти и в эхирит-булагатском, и в унгинском эпосе. Всегда акцентируется, что герой жестоко наказывает дядей за предательство. Д. А. Бурчина замечает, что дяди-антагонисты – это всегда родственники с отцовской стороны (абага) и делает вывод, что эпос отражает драматические противоречия, возникавшие в родовом обществе при замене материнского права в наследовании имущества отцовским (передачей от отца к сыну), а дядья лишены были в нем участия [5, с. 25].

Богатырские подвиги, как уже упоминалось, тесно связаны с мотивом сватовства, они всегда совершаются на пути к невесте или же после свадьбы, когда хан – отец невесты решает испытать жениха. В основном они представляют собой преодоление так называемых «дорожных препятствий» и победы над чудовищами-мангадхаями. Дорожные препятствия – это природные препятствия, например, высокая гора, которую надо

перепрыгнуть; море, которое надо перейти; огонь, который надо преодолеть; долины, полные лягушек и змей, и т. д. Мотив борьбы героя с чудовищем, олицетворяющим хтонические силы, иной мир, глубоко архаичен, имеет мифологические корни, на что указывает характер всех поединков – единоборство. Герой всегда сражается один, в редких случаях ему помогает сын, нет никакого войска, богатырей-помощников и т. д.

Героя боханско-осинских улигеров можно охарактеризовать как во многом архаичного мифологического героя. Он сирота (наличие родителей завуалировано), одинок (мифологическая пара «брат-сестра» или же более поздние образы младшего богатыря – побратима и помощника в сюжетах не актуализируются), имеет черты культурного героя, обустроивающего миропорядок (строит дом-дворец, топит очаг, строит мосты и дороги, уничтожает чудовищ, устанавливает новые брачные нормы). Он – «стержень» в системе персонажей, и все персонажи «завязаны» на него.

Система персонажей сохраняет архаичные черты, но заметна тенденция к исчезновению зооморфных образов, замены их антропоморфными. Из зооморфных персонажей, играющих активные роли в эхирит-булагатском эпосе, в боханско-осинском остаются чудовищамангадхай, которые всегда многоголовы и многороги, чудесные кони героев, реже встречаются мифологические образы Хан Хэрдэг птицы, собаки – хозяйки земли и т. д. При этом надо отметить, что роль коня как волшебного помощника почти не акцентирована, у него нет особой функции в сюжете.

Таким образом, можно сделать предварительные выводы: по своему композиционному строению улигеры боханско-осинской группы ближе к эхирит-булагатским. В них сохраняется простое линейное развитие эпических событий, описываются действия и жизнь героя одного поколения. Двух- или трехчастные

сюжеты с введением новых «кругов» или «ходов» действий, посвященных борьбе богатырей, их сыновей и побратимов с врагами-захватчиками, почти не встречаются. Если сюжет и дополнен продолжением – подвигами героя-сына, то, как правило, оно развивается по той же схеме, что и повествование о подвигах героя-отца. Основными темами являются

героическое сватовство, которое имеет древнее «глобальное» значение и приравнивается к трудному богатырскому подвигу, и борьба с чудовищами. С унгинскими улигерами боханско-осинский эпос сближает система персонажей, более развитая поэтика, возросшая эстетическая функция при исполнении.

Источники и литература

1. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук (ЦВРК ИМБТ СО РАН).
2. Балдаев С. П. Избранное. – Улан-Удэ, 1961. – 256 с.
3. Балдаев С. П. Буряад арадай аман зохоолой түүбэри. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. – 409 с.
4. Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 449 с.
5. Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят. Указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск: Наука, 2007. – 544 с.
6. Буряад-монгол ульгэр ба онтохонуудай сборник (Сборник бурят-монгольских улигеров и сказок). Обработал А.И. Шадаев. – Улан-Удэ: Бургосиздат, 1941. – 276 с.
7. Гомбоин Д. Д. Эхирит-булагатские улигеры. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1990. – 112 с.
8. Поппе Н. Н. Некоторые проблемы бурятского героического эпоса // Известия АН СССР. – 1940. – № 2. – С. 3–11.
9. Тороев А. А. Ульгернүүд (Улигеры). Д. Хилтухин хэблэлдэ бэлэдхэбэ. Урид хэлэгдэхэ үгэ А. Бальбуровой. – Улан-Удэ, 1941. – 216 с.
10. Тороев А. А. Армаан Дурмаан хоер (Арман и Дурман). Улигер. Бэшэжэ абahan ба хэблэлдэ бэлэдхэнэн А. Шадаев. Оролто статья Ж. Тумуновой. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1948. – 80 с.
11. Тороев А. А. Улигер, сказки и песни. Вступ. статья и примеч. А. Гуревича. – Иркутск, 1941. – 135 с.
12. Уланов А. И. К характеристике героического эпоса бурят. – Улан-Удэ, 1957. – Бурят-монг. кн. изд-во, 1957. – 172 с.
13. Уланов А. И. Бурятский фольклор и литература. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. – 158 с.
14. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 2 / под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. – 312 с.
15. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. III / под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. – 312 с.
16. Шаракишинова Н. О. Героический эпос бурят. – Иркутск: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1968. – 160 с.
17. Шаракишинова Н. О. Героико-эпическая поэзия бурят. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1987. – 304 с.
18. Шерхунаев Р. А. Он пел улигер (Сказитель Сагадар Шанаршеев). – Усть-Ордынский, 1993. – 40 с.